

Виктор Зуду

ПУТЬ К СЕБЕ

01/05/2009 10:21 AM

Виктор Зуду

Путь к себе

«Издательские решения»

Зуду В.

Путь к себе / В. Зуду — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530154-3

В этой книге я написал автобиографию. Некоторые события моей жизни я здесь обозначил. Пусть это останется для будущего.

ISBN 978-5-00-530154-3

© Зуду В.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ К СЕБЕ	6
Предисловие	6
ЧАСТЬ 1	7
Моё детство и школьные годы	7
Первая двойка	12
Велосипед	13
Игры и развлечения	15
Волейбольная площадка	17
Сбор пустых бутылок	19
Подражание Спартаку	20
Чтение детских книг	21
Любимые огороды	24
Я убегаю из дома	25
Приближается очередная в моей жизни осень	26
Как ловили и гоняли белок в лесу	31
Лыжи	33
НОВЫЙ ДЯДЯ	36
МОЛОДОЙ ОХОТНИК	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Путь к себе

Виктор Зуду

© Виктор Зуду, 2020

ISBN 978-5-0053-0154-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ К СЕБЕ

„Все пути ведут к себе!„

Предисловие

С моим проявлением на белом свете, свет не стал более белым или черным. Он остался таким, какой есть.

Путь к себе не прост, тернист и сложен и не все могут его найти.

Дорог на свете много, но по какой идти?

Можно сказать, что кривая выведет, да выведет, но куда?

Не для всех, а только для избранных, всё равно предстоит поиск пути к себе и часто этот поиск увенчивается успехом.

Но какой ценой?

Отказом от материальных ценностей, потерей семейных и брачных отношений, одиночеством, болезнями?

Да, такое тоже есть среди ищущих.

Путь условно делится на начало, срединный этап и конец.

И каждый этап по – своему интересен и примечателен.

Работа состоит в том, чтобы прийти к осознанному взгляду на себя, внутрь себя, через видение внешнего, того, что окружает каждого из нас.

В пути будут встречаться разные люди, но надо знать то, что из внешнего мира кумиров, идолов, богов, себе не создавать.

Хотя у каждого ищущего и идущего свой путь, но цель у всех одна: познание себя и приход к себе.

Конечно, мы все рождаемся, и началом нашего пути всегда становится наше счастливое или несчастливое детство, а затем идут другие этапы жизни, которые важны и обязательны для движения по пути к себе.

Это мои автобиографические выкладки с некоторыми эпизодами из моей жизни, которые и вошли в эту книгу.

ЧАСТЬ 1

Моё детство и школьные годы

В таежном поселке, Пермской области, в семье лесорубов, в четверг, днем в 16 часов по местному времени, родился мальчик.

Родители угадали на 29 мая, на самый конец весны и начало лета.

В народе говорят: кто родился в мае, всю жизнь будет маяться.

Долго думали, как меня назвать. В это дело вмешался крестный отец и меня назвали Виктором, хотя вначале хотели назвать Валерием.

Имя подходящее, оно означает Победитель.

Теперь основной задачей родителей было воспитать здорового и любознательного человека, любящего труд и людей.

Поселок, в котором я родился, назывался Сёрва, что в переводе с коми – пермяцкого, означает поздняя вода, мне ничем не запомнился, потому что через три месяца после моего рождения, родители переехали чуть севернее, в другой поселок, который назывался Сосновка.

Мои родители завербовались в Пермскую область на лесоразработки в поисках счастья, самостоятельности и пробы своих физических сил.

В то время в Сосновке проживало около 900 человек. Здесь я и провел своё детство, прожив 15 первых лет жизни и окончив 8 классов.

В поселке всё взрослое население занималось заготовкой делового леса.

Поселок был не простой, а режимный, потому что состоял в основном из ссыльных, политических и не благонадежных людей.

Сюда были сосланы литовцы, крымские татары, немцы, эстонцы, проживали и местные жители, коми – пермяки.

Среди вербованных были люди из Чувашии, Татарии, Горьковской области.

Так же сюда ссылали тунеядцев из Москвы и Московской области.

Почти каждый третий мужчина имел охотничье ружье и ходил на охоту. Охотились сезонно. Били таежную птицу рябчика, тетерева и глухаря. Добывали зайца, белку. Бывали редкие случаи, когда в капкан попадались рысь или лиса.

Я не помню, чтобы за всё время проживания в поселке, кто – то убил медведя, лося или волка, хотя эти звери водились в лесах Среднего Урала.

На весь поселок был один лесничий, который знал всех охотников в лицо. Он строго соблюдал закон о сохранности лесов, фауны и флоры.

Так же имелся один участковый, который следил за порядком внутри поселка.

Тут все работали, обзаводились семьями, могу сказать, что жили весело и дружно, хотя народ был очень разный.

Агрессивностью отличались лишь крымские татары. Когда заходил спор, то их глаза наливались кровью, они в любую минуту могли поссориться с собеседником. Поговаривали, что они носили складные ножи, но я не замечал.

На весь поселок был выстроен один клуб, в котором собирались жители после трудового дня. Это был единственный очаг культуры и отдыха. Здесь можно было смотреть фильмы, потанцевать, почитать журналы и газеты, поиграть в настольные игры, бильярд. Кстати, здесь я научился играть в бильярд.

Завклубом работала пожилая женщина, с накрашенными губами, которая постоянно курила папиросы, не уступая мужчинам.

Играя в домино, ребята так сильно стучали костяшками по столу, что казалось, или стол рухнет, или домино сломается.

Здесь я впервые научился играть в шахматы.

До семи лет я не знал, ни горя, ни лишений, ни страданий.

Сестре Галине уже было три года, а братику Владимиру только полтора года.

Семья состояла из пяти человек. В это тяжелое время, когда дети были маленькими, родители развелись.

Мать осталась одна с тремя маленькими детьми на руках.

Причину, которая толкнула родителей на развод, я не знал, да и зачем мне, семилетнему это знать.

Я навсегда запомнил пасмурный день, когда уходил отец из нашей семьи.

Лицо мамы было в слезах. Она до последней минуты старалась его удержать, но он всё равно ушел.

Лицо отца слегка рябоватое, пустое и пасмурное, как тот день, в последний раз смотрело на детей и жену.

К нам он не подошел, не простился, не обнял и не поцеловал на прощание.

Мама просила меня подойти к отцу и уговорить его остаться, но я не сделал, ни шага.

Я был упрям и в тот момент ненавидел отца и понимал, что его ничем не удержать, он всё равно уйдет.

Я на отца глядел с ненавистью, как волчонок, словно боялся его.

Не попрощавшись, отец навсегда ушел к другой женщине.

Так в нашу жизнь вошла безотцовщина, и с тех пор мы отца больше никогда не видели.

В поселке для детей выстроили детские ясли и сад, которые размещались в одном небольшом деревянном доме. В эти ясли, а потом и в сад я ходил. Потом сестра и брат.

Однажды, как я помню, меня в саду поставили в угол и лишили обеда, только из – за того, что я ослушался Римму Ивановну, воспитательницу, женщину высокую и полную и не извинился за какой – то проступок, потому что с рождения был очень упрямым мальчиком.

Ничего более интересного о своем детском саде я не помню. Возможно, что – то и было.

Да, уж очень я не любил, когда мне мама натягивала на мои тонкие ножки девичьи чулки. Всегда со скандалом это происходило. Ни какой слабинки со стороны мамы я не чувствовал.

О какой слабинке могла идти речь, когда утром за светло уходила на работу, а вечером за темно приходила. Дома её ждали трое маленьких детей с раскрытыми голодными ртами, как беспомощные птенцы и постоянно хотели есть.

Она ко всему этому ухитрялась держать скотину: облюбовала коз, с десятков кур и одного поросенка, но корову держать была не в силах.

Хозяйство имелось небольшое, но хлопотное.

Вечером придет с работы, разденется, снимет с себя тяжелый мокрый ватник, печь затопит, поставит, если есть что разогреть, а если нет, то начнет варить.

Быстро управится со скотиной и потом берется за нас, а утром опять на работу.

Работа в лесу тяжелая, прямо скажу, не женская. Мама рубила сучки с деревьев и была сучкорубом. Целыми рабочими днями махала топором. В зимнее время по пояс в снегу, а в летнее время сильно донимали комары, оводы и мошка.

В зимнее время даже ватники промокали насквозь. Вечером она клала их на печку, а к утру, они высыхали.

И так изо дня в день все пятнадцать лет жизни в Сосновке.

Будучи маленьким, меня, интересовали игры, беготня, просмотры кинофильмов в поселковом клубе, рыбная ловля и купание в реке.

Я дружил с ребятами со своей улицы. Рос хрупким, тонкокостным мальчиком, но живым и энергичным. В обиду себя не давал, хотя был слабее ребят с соседних улиц.

Со своими друзьями детства я совершал разные интересные вылазки в лес, лазил вместе с ними в чужие огороды за огурцами, бобами и другими огородными культурными насаждениями.

Мы жили дружно и всегда в чем – то соревновались.

Нас очень занимала игра в беговую и круговую лапту. Сейчас смотришь на ребят, их занимают совсем другие игры.

Правда, девочки ещё в круговую лапту играют, её ещё называют вышибала. Мы в такие игры играли всей улицей.

Играли в колдуна. В эту игру хорошо было играть тем, кто хорошо бегал и мог расколдовать заколдованного бегуна.

Играли в чижика, городки, вместе с девочками прыгали через скакалку, прыгали на одной ноге, играя в классики.

Мальчики из песка строили гаражи и дороги и самодельными, деревянными машинками возили палочки, представляя, что везут спиленный лес на лесовозе, как их отцы.

Нет, я не был лишен своего детства, но так как был старшим, то приходилось во всем помогать маме. Порой мне хотелось погулять на улице, но в это время я получал работу по хозяйству. Мне частенько попадало по мягкому месту за непослушание.

До семи лет я не умел плавать, боялся глубокой воды и только в мелководных местах бродил, засучив штанины или в трусах по воде, и брызгался ею.

Как – то на реке, где купались все ребята, появился Цыганов Виктор, взрослый парень, сосед с моей улицы. Я ходил в трусах, рядом по мели.

Сосед подозвал меня к себе и сказал:., Давай, я тебя научу плавать».

– Что ты, я воды боюсь, тем более на глубине, – возразил я, со страхом глядя на темноту воды.

Но Виктор не унимался и начал меня уговаривать:., Вон, смотри, твои сверстники плавают на глубине, даже младше тебя есть, а как ныряют».

Мне было завидно. Я ни плавать, ни нырять не умел и всё из – за того, что боялся воды.

Недолго думая, сосед схватил меня и бросил в глубину. Я начал барахтаться в воде и бить её руками и ногами, но ничего путного не получалось, я тонул и уходил под воду.

Тогда Виктор подныривал под меня, и я снова показывался на поверхности воды.

Так бултыхаясь, с помощью соседа, я кое – как приблизился к противоположному берегу реки. Теперь нужно было плыть обратно. Это было так страшно и если бы не уговоры соседа, я бы пошел в обход и плыть не стал.

Виктор снова меня бросил в глубину, уже с моего согласия.

Я, подкрепленный страховкой взрослого соседа, решительнее начал бить по воде ногами и по-собачьи грести руками. Пока я плыл, Виктор несколько раз под меня подныривал и надежно страховал.

Так смелее и быстрее я достиг другого берега.

До самого вечера я учился плавать и всё – таки освоил это трудное дело.

– Ох, если бы был отец, он бы гораздо раньше научил меня плавать – думал я с грустью.

Купались дети на двух реках, которые с двух сторон обрамляли Сосновку, а с других двух сторон поселок обходили леса.

Мы чаще ходили на более узкую и менее глубокую речку, она протекала за огородами в минуте ходьбы.

Эта река называлась Кыдзис, что в переводе с коми – пермяцкого означало из – под березы.

Другая более широкая и спокойная река, которая называлась Лолог, перевода не знаю, спокойно несла свои воды в северную часть поселка и, до неё надо было идти приличное расстояние.

По этим рекам в каждый весенний разлив воды местные жители, рабочие сплавляли спиленный лес.

Из- за большого количества леса образовывались очень большие заторы. В это время мы с удовольствием бегали по бревнам с одного берега на другой.

Это была не игра, а испытание характера, такие черты, как смелость и прыгучесть, балансировка и сноровка бегать по круглым бревнам разного диаметра, ловкость, сообразительность, тоже были не лишними.

Можно было легко пораниться, поскользнуться и хорошо искупаться в холодной воде, потом простудиться и заболеть.

Но все мальчишки бегали по бревнам. Это было своего рода весенним, сезонным развлечением.

Первая двойка

В первом классе я учился хорошо, троек не было, одни четверки и пятерки.

Кружочки, палочки, крестики, рисовались легко.

Первую двойку я заработал во втором классе. Почти не за что. Просто решил проявить свою самостоятельность. Моя самостоятельность выражалась в следующем: я обвел чернилами столбики примеров, и получилось, как будто они оказались внутри прямоугольников.

Я хотел для большей ясности обвести примеры и обвел, в результате чего получил, как сейчас помнится, жирную двойку.

Я не помню, как на это отреагировала мама, но первую двойку я домой всё – таки принес.

Спустя двадцать три года, я решил описать свои детские и школьные годы. В памяти ещё держатся некоторые моменты моей семьи до пятнадцати лет.

В Сосновке я окончил восемь классов. Здесь безвылазно прошло моё детство.

Велосипед

Большой гордостью и радостью было наличие у ребят велосипеда. Ребята, имеющие велосипед, могли целыми днями гонять по улицам поселка. Я им очень завидовал, потому что ходил повсюду пешком. Кататься на велосипеде, я разумеется, не умел, ведь его у меня не было.

Ребята собирались в теплые летние вечера около единственного культурного центра поселка, местного клуба, и делились своими новостями.

Кто говорил, что у его велосипеда спустило заднее колесо, потому что наехал на гвоздь, другой говорил, что у него кто – то насос украл или колпачок отвернул, а кто – то врезался в столб или забор. Новостей было много.

Я, бывало, приду к клубу и отираюсь вокруг этих ребят, слушаю их разговоры.

У многих ребят велосипеды были новенькие, краска сверкала на солнце. Из цветов больше преобладал черный, но на фоне черного выделялись зеленые, синие, голубые, велосипеды. Почти у всех они были дорожные, взрослые.

Ребята, которые не доставали до педалей сидя на седле, ухитрялись крутить педали из – под рамы.

На велосипеде можно было съездить куда угодно; в магазин за продуктами, на речку покупаться или уехать далеко, порыбачить.

Для того, чтобы научиться кататься на велосипеде, мне нужен был он.

Мама мне его не покупала, постоянно говорила о нехватке денег, а на алименты отца надежды было мало, хотя он платил, но были случаи, что не регулярно и не положенных 33%, а намного меньше.

Он старался всеми способами платить нерегулярно и не полностью.

Я с мамой соглашался, понимал её финансовые затруднения, но нужно было как – то находить выход из положения.

Велосипед мне был просто необходим. Нехорошо получается; у большинства ребят он есть, а у меня его нет.

Становилось очень обидно и не по себе.

Всё – таки я выход нашел. Точно уже не помню, но, кажется, что это было, когда я учился в третьем классе.

Так, опираясь около ребят вечерами, я ближе познакомился с мальчиком чуть младше меня по возрасту и, разумеется, по росту.

Мы подружились и часто стали общаться втроем; он, я и его велосипед.

Я стал учиться кататься на его велосипеде. Начал с небольшой горки. Он держал велосипед, пока я садился на него верхом, а затем отпускал меня и я катился с горки.

Не получалось, падал, то коленку ушибу, то локоть или мягкое место отобью, но желание у меня было огромное и момент не нужно упускать, ведь велосипедом мой друг в какой – то степени тоже жертвовал.

Мной были приложены все старания к укрощению велосипеда, чего через некоторое время достиг.

После этого я стал маме надоедать с большим усилием и спустя год, она купила новенький зеленого цвета велосипед. Радости не было предела. Теперь на своем велосипеде я ездил куда хотел и вечерами с другими ребятами стоял наравне.

Помню, что велосипед стоил 55 рублей.

Игры и развлечения

Игры, развлечения и всевозможные занятия ребята придумывали и находили сами. В поселке не было музыкальных, художественных и других школ, кроме общеобразовательной восьмилетки.

Этому никто из начальства не уделял никакого внимания.

Вот о некоторых развлечениях я постараюсь здесь написать, пока не забыто.

Развлечение первое.

В клубе, который был единственным культурным центром развлечения каждый день шли фильмы, кроме выходного понедельника. Начало фильмов в 17, 19 и 21 час вечера.

Если шли три сеанса, значит, фильм был очень интересный.

В основном, шли только два сеанса.

Рос я сообразительным мальчиком и любил пошалить.

Здесь я всячески изощрялся обманывать контролера и без билета проскальзывать на вечерние сеансы и смотреть фильмы до 16 лет.

Был худой и маленький, что имело значение для безбилетного просмотра кино.

Контролером и киномехаником в одном лице у нас был дядя Гена. Он работал бесшменно на этой работе всю свою жизнь.

Так вот, что же я делал?

После каждого просмотра фильма, двери в зале открывались для проветривания. В это время я незаметно проскальзывал в зал, вставал за атласные занавески или уходил за сцену и терпеливо ждал начала очередного сеанса, затем в темноте садился на свободный стул в зале и спокойно смотрел фильм.

Часто было так; я прятался между рядами под стульями и дожидался начала сеанса.

Эти мои номера были менее рискованные и цели я достигал.

Более рискованным было то, что я прятался за спины взрослых мужчин и пока контролер рвал билеты, я забегал вперед мужчины и быстро растворялся в темном зале.

Эти мои трюки удавались не всегда, бывало, что получал от дяди Гены пинок под зад. Эти пинки были сильными, но я не сердился на него.

Часто с ребятами, такими же маленькими, просто уговаривали д. Гену и он, если у него настроение было хорошее, пропуская нас сам, но в основном, он был неумолим.

С посещением кино я связываю один случай.

Помню, шел интересный фильм,, Полосатый рейс».

Я его уже несколько раз до этого смотрел и решил ещё раз посмотреть.

Я и мама шли из магазина, нагрузившись продуктами.

В кино она меня не отпускала, и я решил схитрить, короче говоря, её обмануть.

Мы дошли до дома, и я сказал, что хочу в туалет, а сам перемахнул через забор и задами побежал в клуб.

На этот раз купил билет и с облегчением сел на стул в первом ряду, настроившись смотреть фильм.

Прошло немного времени, в зал залетает моя родная мать с палкой и берет меня за руку, а другой, в которой палка, охаживает мой зад с таким наслаждением, что я, как собачонка завыл от боли.

В таких случаях она меня не жалела. После такого посещения кино, у меня отпало желание обманывать мать. Бывало, я обманывал её, но это уже было не в ущерб себе, тем более матери.

Волейбольная площадка

Около клуба с левой стороны взрослые парни построили волейбольную площадку.

Перед началом фильма они любили играть в волейбол. Играли страстно, прыгали, даже падали в чистой одежде на землю, лишь бы победить.

Разрядов ни у кого не имелось, но играли, соблюдая все правила.

Молодые ребята собирались и устраивали турниры, играя с пожилыми мужчинами.

Часто были смешанные командные поединки.

Некоторые играли дотемна, не обращая внимание на окрики жен и подруг.

Мы, маленькие ребята, любили наблюдать за игрой старших, просто так, ни за кого не болея.

Силенок в нас нет, ручонки слабы, так что толку от нас в игре было мало.

Волейбольная площадка нас притягивала совсем другим.

Мужчины, азартно играя, не замечали, как из карманов брюк при прыжке или падении высыпалась мелочь.

Мы бегали за мячом, если он далеко покатится, но место наблюдения не бросали.

После окончания игры, они в пыли, с грязными руками и одеждой, вспотевшие, но довольные покидали площадку. Теперь на площадке хозяйничали мы.

С особой внимательностью были обследованы дециметры площадки. На большой успех находки мелочи нельзя было надеяться, но на счастливый случай, конечно, можно.

Тут повелось так, кому, как повезет, без какой – либо обиды.

Кому – то везло. Я находил мелочь, как и все остальные ребята. Однажды нашел пятьдесят копеек.

Карманных денег у меня не водилось, мама давала только на кино, но и тут я старался их экономить и как – то посещать фильм бесплатно.

Я часто ходил в магазин и утаивал десять, а то и пятнадцать копеек. Мама проверяла сдачу, но я изворачивался.

Сладостями она нас тоже не баловала. За счастье считалось, если нам покупала пряники или печенье, а то и дешевую карамель, вроде горошка, подушечек или леденцов.

Мне всегда хотелось что – то более вкусенькое, может поэтому я и занимался утаиванием и поиском мелочи разными способами.

Сбор пустых бутылок

Я и ребята с моей улицы ходили по поселку и собирали пустые бутылки. Заглядывали в разные темные уголки, лишь бы найти пустую бутылку из – под водки или вина.

Спросите зачем, мы это делали?

В продовольственном магазине продавались шоколадные вафли. Сначала в магазине появились обычные вафли стоимостью 12 копеек 100 грамм, потом шоколадные.

Так мы охотились за шоколадными вафлями, они нам очень понравились. Эти вафли были вкуснее всех сладостей вместе взятых. Они просто таяли во рту.

В 100 граммах было три вафли.

Подражание Спартаку

В посёлке однажды показали фильм, «СПАРТАК».

Мне он очень понравился. После этого фильма ребята стали подражать Спартаку. Из узких дощечек деревянных ящичков делали короткие мечи и сражались улица на улицу.

Мой отец был левшой и по наследству передал мне свою левую руку. Я тоже стал левшой.

Я сражался левой рукой, что для праворуких было очень неудобно. Помню, без меня не обходилось ни одно сражение, а сражался я не плохо.

Сражались везде, где только можно. Были сражения на полянах, на строящихся домах, воображая, что идет штурм крепости.

Сражались мы только одно лето, потом всё как – то само собой отошло, затихло и забылось.

Чтение детских книг

Самым полезным для себя развлечением я считал чтение детских книг. Очень любил читать различные сказки. У меня уже были сказки народов СССР, волшебные сказки и сказки народов мира.

Я начал собирать детские книжки, таким образом, получилась небольшая детская библиотека.

Этой небольшой библиотекой стали пользоваться мои друзья и соседи. Я отдавал книги, записывая читателей, как это делается в настоящих библиотеках, под запись. Для этого у меня была записная книжечка.

Дома всегда были друзья, а с ними атмосфера оживала, и мы просто играли в библиотеку.

Играли во врачей, понарошку делали друг другу уколы, ставили градусники и горчичники.

Наигравшись дома, вечером, уже в темноте, умудрялись играть в прятки.

Сказки можно было купить в магазине. Только нужны были свободные деньги, а их у меня часто не было.

Кроме любимых занятий и развлечений у меня были не любимые.

Часто мама меня заставляла нянчиться с двоюродными братьями, потому что я был старше и мог за ними приглядывать. Ими были двоюродные братья Анатолий и Владимир. Мне приходилось сидеть с ними дома и играть в различные игры.

Главное, следить, чтобы они не разодрались между собой, что происходило очень часто. Если не уследишь, пиши, пропало. В комнате всё будет перевернуто вверх дном. Они были маленькие, но такие драчливые и настырные, что просто ужас.

Начиналось с того, что не могли поделить какую – то игрушку. Потом начинали этими игрушками кидаться со слезами на глазах, переходили на подушки и били ими друг друга, да так, что все перья и пух из подушек вылетали и застилали полы комнаты, словно белым снегом.

Я сердился и начинал их разнимать, успокаивать, но воспитателя из меня не получалось.

Братья и со мной начинали драться и закидывать подушками. Я, вконец разозленный, растаскивал их по углам, но с большим трудом.

Успокоившись, они собирали пух и приводили комнату в порядок, боялись гнева матери и отца, которые придут с работы голодные и злые.

Разрядка наступала и они успокаивались. Озорные были ребята.

С большой неохотой делал хозяйственную домашнюю работу, когда друзья звали меня гулять, а мама заставляла в это время что – то делать. Я, преодолевая себя, делал работу, понимал, что кроме меня больше некому.

Я был старшим в семье и этим всё уже сказано.

По дому дел всегда хватало. Надо было принести из колодца питьевую воду и наполнить бак, который стоял в углу на кухне.

Вечером, к маминому приходу, растопить печь, подогреть воду, сварить для скотины большой чугунок картошки в мундире. Уборкой по дому я тоже занимался.

Задания мама давала мне с утра, перед уходом на работу. Только после выполнения всех работ, я мог выйти погулять. За неисполнение её указаний, меня ждал ремень.

Маминых ласок я не любил. Она после того, как обласкает меня ремнем, пыталась пожелать и погладить по голове, чего я тоже не любил.

Был упрямым и никогда не просил у мамы прощения.

В детстве мне от мамы за мои проделки попадало очень часто, которые я творил как маленький мальчик, многого не понимая и не осознавая.

Был шалуном.

Мне запомнился один такой, «больной» случай.

Я и несколько ребят, пошли на заправочную станцию за латунными трубками камер от автомобильных шин для того, чтобы сделать пугачи.

Нужно было их отпилить, затем один конец расплющить, загнуть и залить свинцом. Загнуть гвоздь и острием сунуть в трубку. Загнутые концы трубки и гвоздя соединить резинкой. В трубку засыпать спичечной серы и острым концом гвоздя при помощи растянутой резинки, словно ружейным бойком бить по сере. В итоге получался сильный громкий, похожий на выстрел ружья хлопок. При помощи эха этот хлопок удваивался, что создавало эффект.

Стрельба из пугача не была настолько опасна, что можно было пораниться, но единичные случаи были, когда серы оказывалось больше нормы, тогда и трубка при выстреле разрывалась.

Мы пошли на заправочную станцию. С нами пошел мой сосед по прозвищу Гыня.

Он смеялся, и у него получалось гы, гы, гы, вместо, ха, ха, ха, как у обычных ребят.

Он был на несколько лет младше нас, меньше ростом, неуклюжим и медлительным. Мы его взяли, потому что напросился, разве жалко, пусть идет.

Вроде нас было четверо.

Прошли речку по мостику, зашли в брусничный лес и пошли по дороге к заправке. Территорию заправки окружал деревянный высокий забор, но весь в дырах и сломанный. С любой стороны без труда можно было попасть на территорию заправки.

На заправке много лежало списанных порванных и старых автомобильных шин, которых мы звали баллонами.

Мы, вооруженные напильниками, облюбовали себе по баллону и стали спиливать с них трубки. Работа подходила к концу, и тут, неожиданно, недалеко от нас раздался властный крик сторожихи заправки тети Нюры, моей соседки, которая жила в доме напротив.

Мы бросились врассыпную, кто куда. Старая пенсионерка, разумеется, нас догнать не смогла, но всех она заприметила.

Я бегал хорошо, меня не каждый взрослый мог догнать, но Гыню сторожиха чуть не поймала.

Нельзя брать на такие операции медлительных и неуклюжих.

Вечером того же дня пришла с работы мама. Тетя Нюра всё ей рассказала. Я сидел дома и ждал своей участи. Мать, недолго думая, взяла какую – то палку и на глазах сторожихи меня отдубасила, как сидорову козу. До сих пор помню, что это было очень больно. Но сейчас ощущение боли, конечно, забылось.

Всё – таки, пугачи мы сделали и грохотали не хуже, чем из ружья.

В летнее время я очень любил рыбачить. С ребятами или чаще один ходил на две наших речки. Любил рыбачить на узкой речке, которая была ближе за огородами.

Вода в ней чистая и на вкус вкусная. Течение спокойное. Есть такие места, где можно пройти вброд, засучив штанины выше колен, есть и глубокие места, где глубина достигает двух – трех метров. На мелководье, по дну, группками снуют пескари. Жареный пескарь очень вкусен.

В глубоководье, на поверхности воды плавают верхоплавки, которых здесь называют шаклейки.

В коряжистых местах, среди зарослей осоки и кувшинки. Всегда можно было увидеть окуней, налимов, мелких и крупных щук.

Я несколько раз ловил щук средней величины.

На уху рыба всегда была. Мама радовалась, я тоже.

Летом, особенно в июне до середины июля, нас сильно донимали комары, оводы, слепни и мошка.

В осеннюю пору, когда созревали ягоды и грибы, весь поселок пропадал в лесу. Наши уральские леса осень богаты грибами и ягодами.

Любимые огороды

Опасным и лихим занятием было лазание в чужие огороды. Я и мои друзья тоже этим делом занимались и мы, не были исключением.

Помню такой случай.

Осенью мы возвращались после занятий из школы. Опять с нами неуклюже семенил Гыня, уже известный читателю мальчик.

Так вот, проходя мимо одного огорода, решили его посетить. Окна в доме были зашторены и мы, нас было четверо, залезли в огород, а Гыню поставили на стреме.

Нам попались зрелые огурцы, морковь, репа. Что – то сорвали и спокойно стали удаляться, но не прошли мы и десяти метров, как из дома выскочил хозяин и выпалил в воздух из ружья два раза. Тут мы дали деру и бросились бежать в лес, в спасительное болото. Нас он не заметил, и всё было бы шито – крыто, но хозяин поймал неуклюжего Гыню, который под страхом избиения всех нас раскрыл.

Я успел быстро забежать домой, бросить портфель и никем не замеченный пробраться в свой сарай на сеновал и зарыться в душистое сено.

Чудинов, такой была фамилия хозяина ограбленного нами огорода, ходил по поселку и усердно нас искал, чтобы наказать по заслугам.

Здоровенный детина, под два метра ростом, он наводил на нас страх и ужас, злой, он готов был нас разорвать на части.

Несколько раз он проходил мимо моего дома, но на двери висел замок, показывающий, что дома никого нет.

Вечером мамам пришла с работы, и он всё ей рассказал. Меня опять ждал суровый приговор: избиение, чем попало и куда попало.

Потом он ушел. Мне надоело лежать на сеновале, я вернулся домой и получил по заслугам.

Я убегаю из дома

Я писал ранее и напишу сейчас о том, что мне часто попадало от мамы. Била по любому случаю. Сам виноват, уж такой был сорванец – оторви, да выбрось.

Когда она меня била в очередной раз, я сильно злился и выбегал из дома, если удавалось вырваться из её цепких рук.

Однажды летом, при очередной порке, я вырвался из её рук и со злостью бросил, что убегаю из дома.

Я со слезами на глазах бежал по своей улице в глубь поселка. Она за мной не бежала, всё равно бы не догнала.

Около поселкового отделения связи стояла заброшенная конюшня, в которой в своё время содержались рабочие лошади.

Когда в поселке появились трактора и машины для разработки леса, то лошади перестали иметь важное значение и тягловая сила уже не использовалась.

На чердаке заброшенной конюшни сохранилась солома, где я скрывался весь день.

Сильно хотелось кушать, но я держался и домой возвращаться не хотел.

Каким – то образом сестренка узнала, что я прячусь на чердаке конюшни. Я попросил её принести что ни будь покушать, но строго наказал, чтобы о моем местонахождении мама не узнала.

Если мама узнает, мне попадет ещё больше.

Уже поздно вечером, когда стало прохладно, а я был одет очень легко, мне захотелось домой, но боялся, что снова буду битым и не возвращался.

Но пришли мама и сестра, и мне пришлось с виноватым видом возвращаться домой.

В этот вечер мне за побег не попало, а сам побег не удался.

Приближается очередная в моей жизни осень

Мама занята подготовкой меня в школу. Её хлопоты и приготовления принимаются мной как должное, ведь кроме мамы этим заниматься не кому.

Она покупала тетради, учебники, которых не было в школьной библиотеке, школьную форму и всё остальное по мелочи.

За лето так набегашься, так отдохнешь от школы, что ближе к началу учебы начинаешь скучать по своим одноклассникам.

Так продолжалось все восемь учебных лет.

Я не был отличником, круглым ударником, но четверки и пятерки в моем дневнике водились.

Троек тоже хватало, а без двоек я не учился. Они изредка посещали мой дневник. Единицы были большой редкостью.

Единицы ученикам ставились крайне редко и только в том случае, если ученик досаждал своим присутствием учителю или вообще не отвечал на вопросы.

В большей степени получение хорошей или плохой оценки зависело от общего настроения учителя.

Нужно было чувствовать, с какой ноги сегодня утром встал учитель, и с каким настроением пришел на урок.

В расчет не бралось настроение учеников.

Знаниями по физике я не блистал. В этом очень виню преподавателя.

Физику вел Николай Николаевич, вот фамилию уже позабыл. Так он приходил на урок толи выпивший, толи с глубокого похмелья. С красной шеей и лицом он больше походил на вареного рака, с тоской поглядывал на часы и с нетерпением ждал окончания урока.

Предмет вел с не охотой и сидеть на его уроке было не интересно.

У него тряслись руки, видимо от пьяных загулов.

По этой причине у него не получались опыты. Бывало, что он нас всем классом отпускал, поддавшись на наши уговоры. Все сорок пять минут свободного времени мы могли делать что хотим, но у него было условие, чтобы его ни в коем случае не подводить и к другому уроку приходиться вовремя.

А нам бы погулять.

Николай Николаевич был молодым человеком, но уже спившимся. Долго он в школе на этой работе не продержался ведь сильно поддавал.

Классным руководителем и моим первым учителем была Контиева Софья Ивановна. До пятого класса он вела у нас все уроки по всем предметам. О ней у меня остались самые теплые воспоминания, как о хорошем педагоге и человеке, который всю сознательную жизнь посвятил этому благородному делу.

Материал преподносился с душой, работу свою знала и была на своем законном месте.

С пятого класса по восьмой классным руководителем стала Осипова Евдокия, отчество не помню, да простится мне это. Она проживала в поселке Верхний Лёль и каждый день в школу приходила, проделывая путь в четыре километра.

В то далекое время черно – белый телевизор только входил в наш быт, а электричеством нас баловали только до 24 часов ночи, потому что не было постоянной подачи электрической энергии.

За высоким деревянным забором работала дизельная небольшая электростанция. Её обслуживали два брата по фамилии Чудиновы, как зовут, тоже не помню.

В то время наши женщины губы не красили и они выглядели всегда естественно.

Но и здесь были исключения. Наша вторая классная руководительница Осипова Евдокия всегда приходила в класс с очень густо накрашенными губами ярко – малинового цвета.

Во рту у неё не хватало одного нижнего переднего зуба и её крашенные губы не гармонировали с его отсутствием.

Он была преподавателем немецкого языка и хорошо его подавала. Мне нравилось его изучать, по этому предмету я не хромал.

С ней нельзя было ссориться, всё же классный руководитель.

Любил я физкультуру, особенно, когда занимались легкой атлетикой. Это бег на любые расстояния, прыжки в длину и в высоту. Преподавал физкультуру молодой мужчина Кудинов Иван Иванович. Он был строг, бегал по утрам, имел гоночный велосипед, преподавал умело и интересно. Сам был спортивным.

Но в личной жизни ему не повезло, он повесился, когда узнал, что его молодая и красивая жена ему изменяет. Она тоже была преподавателем в нашей школе. Не знаю, гложет её совесть или нет.

По труду вел занятия уже пожилой трудовик, болезненный мужчина Минин Михаил Иванович.

Он тоже любил выпить, но был очень осторожен и не в ущерб интересам школы. Такой вот осторожный алкоголик.

На его уроке учились строгать доски, делали табуретки, работали с напильниками и постигали азы работы с различными инструментами.

Русский язык преподавал интересный человек по имени Попов Иван Александрович. В то время ему было ближе к пятидесяти.

Невысокого роста, полноватый блондин с неизменными очками в круглой оправе на симпатичном правильном носу.

Его нервы были основательно расшатаны. Двойки ставил только так.

Вместо того, чтобы сказать правильно: «Я хочу есть», он говорил: «Я хочу исть».

Это нас в нем шокировало, как в учителе русского языка. Он страдал хроническим насморком и часто на уроках сморкался в носовой платок.

Когда ученики его выводили из себя, он краснел, начинал заикаться и кричать.

Вспомнил один случай.

Кучев Вячеслав – ученик нашего класса любил подзадоривать Ивана Александровича.

Однажды на уроке он что – то ему сказал, совсем не относящееся к данному занятию в адрес учителя.

И.А. попросил Славку встать, он не встал, тогда, недолго думая, учитель как щенка поднял его на ноги, повернул в направлении двери и пинком под зад выпроводил своего нерадивого ученика за дверь.

От такой дерзости учителя и от досады Славка даже всплакнул.

В классе стояло дикое оживление.

– Как так, разве можно бить учеников? – недовольно высказывались мы, но, ни кому не хотелось последовать за Славкой, именно таким образом.

Вскоре этот инцидент забылся, и на его уроках всегда была гробовая тишина.

По математике преподавала женщина со слабыми нервами. Её звали Маргарита Ивановна Зубова.

Она носила очки и короткие вьющиеся волосы. Волосы, наверное, завивала. Вел я себя на её уроках дерзко. Я не любил математику, а вместе с ней и её.

Злости в ней было много, много было и слез, которые она выплакивала перед директором от нашего поведения на её уроках.

На её уроках мы стреляли из рогаток. Один раз даже кто – то осмелился выстрелить в неё. Кто стрелял. Это осталось в тайне.

Она часто меня выгоняла со своих уроков за шалости и нежелание учить её предмет.

В каком – то году у меня стояла тройка за общее поведение в школе. Мне сейчас за своё поведение стыдно, но мы были несмышленными детьми.

По литературе преподавала молодая учительница по фамилии Ошина, к сожалению, имени и отчества не помню.

Нам она казалась худой и оттого высокой, но как преподаватель прекрасного пола и как женщина, она мне нравилась, это я понял, когда стал чуть старше.

Конечно, виду не показывал. За свой высокий рост, она получила прозвище Тарапунька. Пока ещё спокойная и не нервная, она старалась привить нам любовь к своему предмету.

Её подругой была тоже молодая женщина невысокого роста, не красивая. Уже не помню, как её звали. Память короткая. За свой маленький рост она получила прозвище Штепсель. Штепсель преподавала историю. Они вместе откуда – то приехали.

Всех тише и, соблюдая дисциплину, мы сидели на уроке геометрии, потому что вела этот предмет сама директор школы и тоже не помню её имени.

Теоремы мы доказывали с усердием и знанием предмета.

Если начинаешь говорить не то, она сразу наводящими вопросами снова возвращала ученика в нужное русло доказательства. Здесь было всё как надо и не больше.

Ещё были пение и рисование. На этих уроках я отдыхал.

В классе со мной учились дети разных национальностей, но коренных коми – пермяков было большинство.

Здесь учились русские, немцы, украинцы, литовцы, казанские и крымские татары, чувашаи.

В классе ребята сидели с ребятами, а девчонки с девчонками.

Со мной сидел Колька Федурин – большеголовый очень смешливый мальчик. Он для меня был тем мальчиком, которого я всегда смешил. Колька смеялся от души, иногда хватаясь за живот, а было и такое, что он не мог устоять на ногах и от смеха катался по полу. Через смех я доводил его до слез.

Чтобы как – то самоутвердиться и привлечь к себе внимание всего класса, я смешил класс, что доставляло мне большое удовольствие.

В классе учился мальчик, который после получения двойки сильно переживал, и бывало, даже плакал. А двойки он получал случайно и очень редко, потому что учился хорошо.

Я часто у него перед уроком списывал домашнее задание по математике и физике. Эти предметы ему давались легко.

Списывать он давал только мне и больше ни кому.

Если у него не получалась задача, он сидел до тех пор, пока не находил правильный ответ. Его звали Нилогов Владимир. Усидчивым и трудолюбивым он был учеником.

Ткаченко Валерий тоже был моим одноклассником и любил посмеяться над моими шутками.

Много имен моих одноклассников забылись, но одно имя я запомнил на всю жизнь.

Она появилась в нашем четвертом классе как – то незаметно.

Хрупкая, с длинной косой за плечами, в школьном платье и белом фартуке, села впереди меня.

Я видел её тонкий девичий профиль лица каждый день и любовался им.

Веснушчатое личико и алые тонкие губки по – детски были нежны.

С её появлением в классе я уже ни кого не смешил и вообще старался не выглядеть смешным.

Она вела себя очень скромно и училась на одни четверки и пятерки.

А я нет, нет, да и схвачу двойку, а о тройках и говорить нечего. Эта девочка мне очень нравилась. Она не была как все наши одноклассницы.

Её симпатичное личико и ясные красивые глазки я стал видеть везде.

Приходил домой, а перед глазами стояла она. Часто стал видеть её во сне.

Я влюбился, если так можно сказать в этом случае.

Без неё дома я страдал, в классе не мог ей сказать два логически связанных слова. Погубила меня в моей любви, робость, скромность, детская наивность и особенно стеснительность.

Она, когда я ей в пальто клал разные безделушки, записки, вызывала меня на разговор, но я не приходил, ввиду перечисленных выше причин.

Даже на уроке пения не мог стоять рядом с ней, очень стеснялся.

Звали мою первую любовь Морошкина Надя, она была старшей дочерью нашего завуча Анны Петровны.

Как ловили и гоняли белок в лесу

В школьной столовой на 20 копеек можно было взять тарелку супа, пончик, два кусочка хлеба и чай.

Этих 20 копеек вполне хватало. Я часто на кухне столовой дежурил, помогал таскать воду, дрова, растапливать печь и мыть посуду после обеда. За что бесплатно получал, когда два, когда три вкусных пончика.

Около столовой всегда отирались школьные собаки, которые кормились объедками из кухни и заодно охраняли школу от ночных не приглашенных гостей.

Рядом стоял хвойный лес.

На большой перемене, которая длилась тридцать минут, мы с ребятами уходили в лес и там гоняли белок.

В этом развлечении нам помогали собаки Лайка и Барбос, а с ними и другие дворняжки.

Лайка что – то имела от лайки, а Барбос – от таксы.

Живя в лесу, не обязательно быть породистой собакой, может и дворняжка стать охотничьей собакой.

В лесу много разной живности и если собака натаскана, то она будет хорошей помощницей для охотника.

Однажды на большой перемене, в лесу, недалеко от школы, мы услышали знакомый настойчивый лай Лайки и Барбоса. Они заливисто вперемежку лаяли на белку, Барбос баском, а Лайка тенором.

Нас это заинтересовало, и мы решили сходить на лай собак.

Приближаясь к собакам, мы увидели на макушке высокой сосны белку. Барбос в азарте рыл передними лапами землю, ломал зубами ветки мелких кустарников, прыгал на ствол сосны и царапал когтями кору.

Лайка крутилась около сосны, переминаясь с ноги на ногу и, подняв свою мордочку, смотрела на зверька.

Мы начали палками и камнями сшибать белку с дерева.

Она стала прыгать с дерева на дерево и быстро убегала от нас. Мы очень долго гонялись за ней по лесу. Перемена давно уже закончилась, но мы, охваченные азартом погони этого не заметили.

Наконец нам удалось её загнать на дерево, ближе к небольшой полянке. Здесь стояла одинокая сосна, на которую белка решила перелететь. Она сделала неудачную попытку и, не долетев до дерева, приземлилась на землю, рядом с моим одноклассником.

Он не растерялся и схватил белку голыми руками, но тут же вскрикнул от боли. Белка его руку исцарапала и искусала до крови. Он её выпустил, и она прыгнула на землю и побежала к близстоящему дереву. Тут белку нагнал Барбос и хотел было схватить своими клыками, но взвизгнул от боли и отскочил от зверька как ошпаренный, крутя своим раненным носом.

Белка подбежала к стволу дерева и оказалась в безопасности.

Так закончилось неудачное преследование маленького лесного зверька, которое было очень азартным.

Лыжи

Не забуду появление первых лыж, которые я так долго ждал. Я замучил маму с просьбой о покупке лыж. Я не давал ей покоя.

Наступила зима, красивое время года. Выпал снег, покрыв землю сплошным серебристым покрывалом. Обладатели лыж спешат на горку, которая называлась Смолакурка, прокладывая новые спуски с неё.

Эта горка с одной стороны имела пологие склоны, по которым катались ребята помоложе, так называемые салаги, кое – как державшиеся на лыжах.

С крутых и опасных для спуска склонов спускались взрослые ребята. Считалось престижным делом спуститься с самого крутого склона и не упасть.

Некоторые ребята, не обладающие достаточными навыками, спускались с таких склонов, но часто падали и бывало, ломали лыжи.

Вот такой была эта гора.

Мама мне купила лыжи. Они были с круто загнутыми носами, пахли свежей краской и очень мне нравились.

Ложась спать, я их прятал под свою кровать и ночью часто просыпаясь, проверял, на месте ли они.

Они лежали под кроватью ни кем не тронутые и ждали, когда я пойду на них кататься.

На следующий день после школы я даже не учил уроки и на новеньких лыжах сразу поехал на Смолакурку.

Ребят собралось много со всего поселка разного возраста и групп. Я примкнул к начинающим.

Погода в этот день была чудесной.

Я слабо держался на лыжах и поначалу ими не мог управлять. Для меня было важным удержаться на лыжах и не упасть в сугроб. Я прокатался до позднего вечера и весь в снегу пришел домой.

С утра мама мне наказала купить хлеба, но я его не купил, потому что, катаясь на лыжах, забыл об этом задании.

Мама меня сильно отругала, но не била, как она это делала в большинстве случаев.

Помнится один случай из этой серии.

Я со своим соседом Шляковым Петей пошел кататься на лыжах. На горке снегу было много, он ночью валил большими хлопьями.

Нужно было проложить новую лыжню. Я первым вызвался это сделать.

Скатился с горки и качу себе, прокладывая новую лыжню. Неожиданно мои лыжи споткнулись о что – то твердое и я сильно ударился об этот предмет животом.

Ударился солнечным сплетением. Стало невыносимо больно. Я некоторое время лежал без движения.

Наверху, Петя от этого моего нелепого падения смеялся, но испугался, видя, что я лежу без движения.

Постепенно боль утихла, я тихонько встал, еле поднялся на горку и пошел домой.

На этом моё короткое катание закончилось.

Каждую зиму снега всегда выпадает много. В огородах сугробы достигают более метра высотой.

В это время мы с ребятами своеобразно развлекались.

По очереди прыгали в сугроб с высоких заборов вниз головой, закрыв лицо руками в рукавицах.

Словно таежная птица тетерев падали в снег и делали ходы сообщения в высоких снежных сугробах, как это делают мыши.

В зимнее время, как и летом, любили играть в колдуна и догонялки.

С разных улиц ребят собиралось много. Одного мальчика звали Гришаев Вася, он был выше нас ростом, но неповоротлив и неуклюж.

Разогнавшись, резко затормозить уже не мог и по инерции летел ещё несколько метров, потому что был в тяжелой весовой категории.

Этим мы пользовались, потому что были верткими, маленькими и шустрыми.

Если он водил, то долго за нами гонялся.

Любимым местом игры мы облюбовали двор Шлякова Пети. Двор, как двор, только сараи стояли со всевозможными укрытиями, лазейками, ходами, где можно было спрятаться, или сделать хитрый обманный маневр.

Помню, я тоже хотел схитрить. За мной гнался Вася. Впереди меня, в заборе, показалась лазейка. Я решил одновременно просунуть голову и ногу, но, не рассчитав, сильно стукнулся головой о верхнюю перекладину забора, а коленкой о нижнюю.

Из глаз посыпались искры. Я взвыл от боли, как бешеный волк, сразу свалился в снег и лежал, пока не утихла боль в голове и коленке.

Я хотел убить двух зайцев, но не получилось.

НОВЫЙ ДЯДЯ

Моя мама долго жила без мужа, мы, её дети, росли без отца и скучали без него.

Однажды в нашем доме появился мужчина. Как я после узнал, далеко не положительный и позитивный.

Оказывается, в Сосновку из Перми выслали тунеядцев на исправление на определенный срок.

Звали этого мужчину Рудольф. Мне он как – то сразу не понравился.

Я считал, раз нет родного отца, то и все посторонние мужчины тоже не отцы.

Жил он у нас сравнительно недолго, но крови материнской попил достаточно.

Пьянствовал он усердно и постоянно, а потом начинал маму гонять и качать свои права.

Представьте, кому нужна женщина стремя маленькими детьми?

Я был маленьким, и защитить, к моему сожалению, её не мог, хотя это сильно переживал.

Часто по ночам не мог спать и плакал, потому что пьяный тунеядец, никому не давал спать и всю ночь выяснял с мамой отношения.

Эти тунеядцы жили в общежитии и после каждой полочки сильно гуляли, а когда пропивали все деньги и кушать было нечего, они ловили и убивали собак и варили их как обычное мясное блюдо.

Тунеядцы ни чем не брезговали.

Я ненавидел Рудольфа, потому что из – за его пьянок страдала мать, которая как – то старалась облегчить участь одинокой женщины. Страдали и мы.

Вскоре их отработка закончилась, и все тунеядцы покинули поселок, а мать с облегчением вздохнула.

МОЛОДОЙ ОХОТНИК

Когда я перешел в седьмой класс, мама мне купила настоящее одноствольное охотничье ружье. Она за 17 рублей купила его у соседа.

Боеприпасы я сам стал доставать через знакомых ребят охотников.

Охотничий сезон весной длится десять дней, а осень и зима, это разрешенное длительное время для охоты.

Заядлым охотником был мой друг и сосед Курманин Александр Степанович. Он был на два года меня старше и раньше начал обретать опыт охоты.

Мы часто пропадали в лесу и его пес по кличке Жулик, всегда был с нами.

В основном, охотились на тетеревов, глухарей, рябчиков, зайцев и уток.

У нас были свои излюбленные места охоты, это мельница, кирпичный, поворот, двенадцатый, трасса.

Лесная тропинка к мельнице шла по другую сторону реки Кыздис. До мельницы было не более трех километров.

Говорят, что на реке в том месте стояла водяная мельница, но никто не мог сказать, когда она стояла, а вот название этого места осталось.

Рябчиков можно было настрелять, не доходя мельницы.

Помню, одной весной охота была запрещена.

У нас был обрез. Я с Сашкой находился в стороне мельницы. Мы из ивовых веток смастерили манки на самку рябчика и к ней слетались рябчики самцы.

Самцы подлетали к нам так близко, что было не очень удобно в них стрелять, можно было легко их спугнуть.

Так вот, я начал свистеть. Через некоторое время услышал сзади себя хлопанье крыльев. Он сел на ветку дерева в пяти метрах от меня и стал посвистывать.

Я стоял как вкопанный и очень осторожно стал поднимать в его сторону обрез. Когда выстрелил, мой рябчик уже лежал на земле.

Кирпичный завод находился от поселка в четырех километрах.

В этой стороне токовали тетерева – красивая таежная птица, особенно самец. Самки меньше самцов и серенькие, незаметные среди кустов и зарослей.

Тетерева и глухари очень осторожные птицы.

Их удобней бить на току.

Тетерев начинает токовать весной, когда появляются островки земли от таяния снега.

Однажды весной я подстрелил одного тетерева и, это не было случайностью.

Я с соседом Сашкой пошел с ночёвкой на охоту, по – другому никак не получится.

С вечера построили укрытие типа шалаша из жердей и веток.

Сашка тоже сделал для себя укрытие подальше от меня, и я его не видел.

Одеты мы были очень тепло, так что не замерзли.

В лесу было тихо и ничто не нарушало тишину загадочного леса.

Сидя с закрытыми глазами, я слегка дремал.

Периодически открывал глаза и смотрел на звездное небо, а звезды, как игрушки, казалось, висели на ветках высоких елей и сосен.

Ружье уже было заражено крупной дробью и я сидел, ожидая с нетерпением рассвета.

Время тянулось, и не было конца этой звездной ночи.

Но постепенно ночная мгла стала рассеиваться, наступило долгожданное утро.

Вокруг показались проталины, на которых косачи будут танцевать свой замысловатый танец.

Уже совсем рассвело, но тетерева ещё не прилетели.

Я расстроился, но с надеждой ждал до победного конца.

Время токования уже прошло.

Вдруг неожиданно в метрах пятнадцати от меня приземлился красавец тетерев. Он распустил хвост веером и крылья. Стал издавать шипящие звуки и громко бормотать что – то мне не понятное.

Косач подпрыгивал, ходил кругом и звал на поединок соперника, но к нему никто не прилетал.

Я нутром чувствовал, что скоро он перестанет токовать и стал очень медленно поднимать ружье и готовиться к выстрелу.

Тетерев часто прислушивался к утреннему пробуждению и в это время я сидел без движения, как истукан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.